

остзейский историк Л. Арбузов⁴. Но уже в прошлом веке «villula» стали переводить как «хутор», утверждая, что такой тип поселений больше соответствует национальному характеру латышей, чем многодворная деревня⁵. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в работах немецко-прибалтийских и латышских буржуазных исследователей 20—30-х годов XX в., особенно в трудах А. Швабе⁶. В его работах отмечалось, что хуторской способ расселения исконно присущ латышскому народу и в наиболее чистом виде отмечен хронистом XIII в. у жителей центральных районов латгальских земель (княжеств Кокнесе и Ерсика). Отрицать то, что в Курсе и Земгале население жило в деревнях, он не мог, поскольку об этом свидетельствовали хроника Генриха Латвийского и другие документы XIII в. Однако Швабе считал, что этот тип поселений был заимствован земгалами и куршами у финнов (ливов и эстонцев) и русских. А. Швабе, а за ним и П. Йохансен допускали, правда, что расселение на хуторах у центральных латгалов могло быть вызвано необходимостью прятаться в лесах от частых нападений литовцев⁷. Но это мнение не было достаточно обосновано и не отвергало первого, поддерживаемого латышской буржуазией, старавшейся насадить в народе теорию о «природном стремлении к индивидуализму» и «чуждости коллективизму» латышей. Соответственно этой точке зрения термин «villula» в рижском издании хроники Генриха 1936 г. (на латышском языке) переводился словом «ciemats» («хутор») только в главах, относящихся к территории Латвии. То же слово применительно к Эстонии переводилось как «деревня» («ciems»)⁸.

Эстонские националистически настроенные историки, следуя за латышскими буржуазными авторами, утверждали, что для всей Эстонии также первоначально были характерны однодворки, отмеченные Генрихом в Вальгатабальве. Со временем они развились в рассеянное поселение, отвечавшее национальному характеру эстонцев, которые «любят самостоятельность»⁹. Однако существ-

⁴ *Arbusow L.* Die Mittelalterliche Schriftüberlieferung als Quelle für die Frühgeschichte der Ostbaltischen Völker.— In: Baltische Lande, Bd I. Leipzig, 1939, S. 185; Heinrichs Livländische Chronik, bearb. von L. Arbusow und A. Bauer.— In: Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis, Bd 52. Hannoverae, 1955, S. 69, 111.

⁵ *Richter A.* von. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur ihrer Vereinigung mit demselben, Th. 1, Bd 1. Riga, 1858, S. 47—49; *Bielenstein A.* Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, Bd I. SPb., 1907, S. 141—153.

⁶ *Švābe A.* Latvju kultūras vēsture, 1 d. Rīgā, 1921, 117—120 lpp.; *idem.* Ciems.— In: Latviešu konversācijas vārdnīca, 2 s. Rīgā, 1928—1929, 3902—3903 sl.; *Johansen P.* Siedlungsforschung in Estland und Lettland.— In: Deutsche Siedlungsforschungen. Leipzig—Berlin, 1927, S. 220—229; *Lakman H.* Estland und Livland in frühgeschichtlicher Zeit.— In: Baltische Lande, Bd I. Leipzig, 1939, S. 227.

⁷ *Švābe A.* Ciems, 3902—3903 sl.; *Johansen P.* Op. cit., S. 228—229.

⁸ *Indriķa Livonijas chronika.* Tulk. J. Kripēns. Rīgā, 1936.

⁹ *Rumma J.* Maasula vorm Kagu-Eestis.— «Kasvatus», 1926, N 3, 4, lk. 75—77, 109.